

Грядущее рентное общество

© Давыдов Д. А., Фишман Л. Г.

© Davydov D., Fishman L.

Грядущее рентное общество

The future rental society

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы современного капиталистического общества. Обосновывается гипотеза о том, что современный капитализм постепенно вырождается в рентное общество, в котором отмирают предпринимательский дух и трудолюбие. Предполагается, что рентное общество может быть как устойчивой формацией, так и переходной стадией от капитализма к новым формам социализма.

Annotation. The article discusses the prospects of modern capitalist society. The authors hypothesize that modern capitalism degenerates into rent society in which entrepreneurial spirit and culture of hard work wither away. It is expected that rent society can be both stable formation and a transitional stage between capitalism and new forms of socialism.

Ключевые слова. Капитализм, рентное общество, прекариат, социализм.

Key words. Capitalism, rent society, precariat, socialism.

Ряд ученых предсказывает закат капитализма в исторически обозримом будущем или же появление у него таких проблем, которые повлекут за собой его значительную трансформацию. Это означает, разумеется, и трансформацию социальных институтов и практик. Но как будут протекать эти закат или трансформация — отдельный вопрос. Они осложнены рядом факторов, включающих в себя глобализацию, «текучесть» капитала, рост нового класса прекариата, нарастающую проблему технологического замещения труда и т. д.

Здравый смысл, на который мы можем опереться при первичной постановке вопроса, подсказывает, что приемы решения указанных проблем первоначально окажутся скорее привычными, нежели наоборот и, по крайней мере, будут осуществляться в рамках имеющихся социальных институтов и практик. Основным инструментом решения проблем

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

ФИШМАН Леонид Гершевич — ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург), доктор политических наук.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №15-03-00124 «Возвышение и кризис демократии в рентной перспективе (2015—2016 годы)».

«лишних» и выброшенных на периферию жизни людей останется (социальное) государство. Какие именно аспекты государства выступают на первый план в наши дни, когда требуется решение проблем «лишних людей», которых надо содержать и которые имеют возможности отстаивать свое право на содержание? Нам представляется, что главным среди них будет функция государства как системы институтов и практик распределения ренты в виде разного рода гарантированных экономических возможностей и/или политических прав.

Можно даже говорить о потенциальном сворачивании на Западе неолиберальных программ и постепенном возврате к практикам социального государства.

Тем не менее мир сегодня изменился настолько сильно, что попытки решить принципиально новые проблемы старыми методами могут привести к непредсказуемым или даже негативным результатам. Наши дальнейшие рассуждения призваны показать, что проблемы современного капитализма уже невозможно свести к балансированию между ценностями свободного рынка и социальной политикой государства. Налицо намечающийся упадок самого «духа» капитализма, который постепенно разъедается рентными практиками. Капитализм переходит в стадию тяжелой болезни, перед лицом которой имеющиеся средства (неолиберализм или социал-демократия) бессильны.

Более того, имеющиеся в арсенале современного государства практики, равно как и их идеологическое обоснование, скорее способствуют прогрессированию этой болезни, нежели ее профилактике.

Рентораспределительная функция государства

Государство, с легкой руки М. Олсона, может быть осмыслено как «стационарный бандит» [1. С. 32—36], получающий свою долю материальных благ, которые вырабатываются контролируемым им населением. В таком случае консенсус элит, вначале аристократических и жреческих, является соглашением по поводу правил распределения этой доли. Этот консенсус представляет собой общепризнанную иерархию статусов. Он всегда имеет идеологическое обоснование, суть которого в представлении аристократии и жрецам права на ренту как обоснованного неким «естественным» порядком вещей, богами и природой. Таким образом, это обоснование выводится за пределы политического. Следует уточнить, что в данном контексте мы понимаем под рентой совокупность благ, которые достаются их обладателям вне зависимости от их усилий и личных качеств, а лишь благодаря занимаемой ими статусной позиции. Статусная позиция обеспечивается контролем над понимаемыми в широком смысле слова ресурсами — от природных до политических и человеческих. Прообразом такой социальной статусной позиции, дающей ренту, является позиция земледельца, получающего природную ренту исключительно ввиду обладания лучшим участком земли, то есть пользования даром природы, которого он не произвел своим трудом. Отсюда же проистекает и стремление обла-

дателей социальной ренты представить свою позицию как следствие исключительно природных обстоятельств — крови, воли богов, ума, таланта и т. д.

Иными словами, государства со времен своего появления занимаются в первую очередь распределением и легитимацией социальных статусов, гарантирующих получение ренты. Описанная таким образом рентораспределительная функция «естественного государства» [2] не исчезает по мере трансформации политических режимов и экономического строя.

Мы опускаем здесь вопрос о характере общественного строя, сосредоточиваясь на практике политической или социальной ренты, свойственной любому государству в любое время. Отношения политической ренты и капитализма — проблема, требующая отдельного исследования. Здесь мы заметим только, что государство в процессе становления капитализма также нередко раздавало привилегии и ренты отдельным капиталистам и компаниям. Эта практика отлично сохранилась и сегодня, хотя и вызывает критику со стороны тех, кто считает политические ренты (ввиду лоббирования) поощрением экономической неэффективности и растранижением общественного богатства¹. При этом «буржуазная идеология» и политэкономия традиционно негативно относятся к ренте как таковой, полагая ее наследием прошлого, неуместным во времена, когда всякая прибыль якобы создается только одним трудом и капиталом. Погоня за рентой считается проявлением «общественно невыгодной конкуренции»². Но и капитализм может быть легко представлен как общественный строй, в котором погоня за прибылью от инноваций — шумпетерианская квазиренда — становится главным двигателем развития. В то же время те социальные слои, которые не могут участвовать в погоне за квазирендой, используя демократические политические институты, добиваются для себя рент политических.

Так, изменение политического режима в сторону его демократизации уже в античности означает с этой точки зрения простое включение новой социальной группы в элитный консенсус по поводу правил распределения ренты. Изменение критериев допуска в ряды

¹ «Нам было известно, что существуют группы интересов, однако традиционно мы серьезно недооценивали издержки, обусловленные их деятельностью, поскольку внимание обращалось только на “балласт” издержек, связанных с вносимыми в экономику диспропорциями. Осознание того, что реальный размер общественных издержек намного больше, что широкомасштабную деятельность индустрии лоббирования действительно следует рассматривать как один из крупнейших источников общественных издержек, является новым, хотя, вероятно, во все времена каждый, кто задумывался над данной проблемой, должен был понимать, что занятые в этой отрасли высокоодаренные люди могли бы принести больше пользы, если бы занимались каким-либо другим видом деятельности» (Таллок Г. Соискание ренты. — http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=in&links=,in/tulloch/works/tulloch_w3.txt&img=works.jpg&name=tulloch).

² «Общественно выгодная конкуренция — это конкуренция на рынке при предложении товаров, в то время как общественно невыгодная имеет место при определении победителей в борьбе за ренту» (Хиллман А. Л. Государство и экономическая политика. Возможности и ограничения управления. — <http://sci-book.com/ekonomicheskaya-teoriya/631-renta-rentoorientirovanoe-45638.html>).

элиты заключалось в распространении части аристократических достоинств и вытекающих из них прав на демос [3]. Полноправный гражданин полиса, таким образом, включался в число легитимных получателей ренты. М. Вебер отмечал, что в античности типичный демос, состоящий из полноправных граждан греческих городов, монополизировал «политически обусловленные ренты — государственные, ипотечные, земельные, а также поденные выплаты» [4. С. 476]. Следует заметить, что, например, в Афинах, следствием такого рода увеличения количества рентополучателей стала империалистическая политика, призванная найти новые источники ренты для них. Аналогичным образом и в Новейшее время получателями некоторой доли ренты становятся все новые социальные слои — и только за то, что они признаются полноправными гражданами или подданными (а не современными метеками — иммигрантами). Античные аналогии Г. Стэндинга [5. С. 30—32] по этому поводу говорят о том, что сегодня консенсус насчет распределения ренты нарушен. В него оказались не включенными новые значимые группы населения, и в то же время происходит фактическое исключение из него части ранее полноправных граждан или их детей.

Ренты от полноправного гражданства и борьба вокруг них

В эпоху Модерна статус полноправного гражданина обрывает рядом идентичностей, классовых, гендерных национальных, расовых, политических, культурных и т. д. — которые не всегда законодательно признаны, но всегда обеспечивают их обладателям право на хотя бы символическую ренту. Все они легко могут быть рассмотрены как идеологические обоснования прав на получение благ только ввиду занимаемой социальной позиции.

Если мы начнем с рассмотрения становления буржуазного парламентаризма, то нетрудно заметить, что сначала он формировался как почти открытая, выражаясь словами классика, «диктатура буржуазии», почти единовластно пользовавшаяся всеми благами своего рода «дифференциальной ренты». Буржуазная политэкономия негативно относилась к самой идее ренты, особенно земельной ренты лендлордов. Однако в политической сфере она стремилась обеспечить себе самую настоящую политическую ренту, формулируя такие критерии для получения полного набора политических прав, которым мог соответствовать только не самый бедный представитель буржуазного (а вначале и аристократического) класса.

Можно сказать, что раннее буржуазное общество было обществом многочисленных дифференциальных рент, чему способствовали как парламентаристская диктатура буржуазии, так и ряд унаследованных от прошлого сословных, гендерных, национальных и иных неравенств.

Имущественный и образовательный ценз на несколько десятилетий преградил трудящимся путь в политику. Однако это препятствие было преодолено на путях профсоюзной и нередко вооруженной борьбы. Труд был признан достаточным и весьма уважаемым критерием полноценного гражданства, а социальное законодательство открыло трудящимся ранее не виданные возможности. Параллельно с этим укоренилось представление, что вообще любой по рождению житель национального государства приобретает ряд неотчуждаемых прав, которых не имеет, например, иммигрант.

Но полные гражданские и политические права имели тем большую ценность, давали тем большие преимущества, чем больше было в обществе социальных групп, которые такой полнотой прав не обладали — законодательно или по факту. «Даже в современных обществах, — пишет А. Матецкая, — где глубокие культурные различия между классами в значительной степени сгладились (благодаря общему повышению уровня жизни, массовому образованию, унифицирующему воздействию массовой культуры), и все члены общества формально являются равными, оценка культур различных групп увязывается с их статусом. Культурные отличия, характерные для разнообразных “меньшинств”, — этнических, религиозных, сексуальных и др., — часто интерпретируются “большинством” как “отклонение от нормы”. Следует отметить, что в социологии понятие “меньшинство” не всегда связано с малочисленностью какой-либо группы. Большее значение имеет наличие дискриминации, ограничения в правах» [6].

К этому следует добавить, что негласные (а порой и гласные) ограничения для представителей определенных наций и рас, пола, культуры и т. д. являются источником своего рода «дифференциальной ренты» для полноправных граждан даже самого низкого имущественного положения. Определенные («нормальные») идентичности дают преимущества их обладателям при поиске работы, определении размера зарплаты, ряд бытовых выгод и т. д.; сюда также следует включить чувство уверенности, превосходства и морального удовлетворения, которое получают многие люди от самого факта обладания возможностями, недоступными другим. Демократический дискурс, как показывает К. Робин, вовсе не исключает формирования на его основе отдельных разновидностей «реакционного духа», который настаивает на сохранении ряда тешащих самолюбие иерархий³.

В этих и других случаях складываются идеологические системы, оправдывающие существующее положение вещей. На первый взгляд они не имеют никакого отношения к ренте. Однако и унаследованные от прошлого религии, которые описывают имеющийся социальный

³ «Массы должны либо символически связывать себя с правящим классом, либо иметь реальную возможность самим стать псевдоаристократами в семье, на заводе, в поле. Первый путь обычно приводит к популизму, перевернутому с ног на голову, когда низы из низов узнают себя в самых высоких; второй — приводит к демократическому феодализму, в котором муж или начальник играет роль господина» (Робин К. Реакционный дух. М., 2013. С. 78).

порядок как данный богами, и более поздние идеологические построения, которые апеллируют к человеческой природе, «природе» вообще, к исторической ситуации (которая дает преимущества одним социальным группам, нациям, расам и т. д.), — все они могут быть описаны как дискурсы, оправдывающие наличный порядок получения и распределения ренты.

Либерализм, национализм или, к примеру, теории модернизации в этом смысле мало чем отличаются от своих архаичных предшественников или от таких более «грубых» современников, как нацизм и расизм: человек, родившийся в «мастерской мира» или «глобальном гегемоне» пользуется преимуществами просто в силу своего рождения. Можно говорить, что это — следствие избранности народа или же награда за хорошее поведение в прошлых жизнях.

Поэтому вокруг идентичностей, описываемых «рентными» идеологиями, постоянно ведется идеологическая борьба. Борьба вокруг идентичностей — борьба за расширение круга получателей ренты или за переформулирование условий консенсуса по поводу условий получения ренты. Важное значение приобретает борьба против разных видов дискриминации. При этом показательно, что либерализм, консерватизм и социализм при всех своих различиях в равной мере ориентированы на укрепление государства, то есть института, занимающегося распределением рент. «Очевидно, — замечает И. Валлерстайн, — каждое идеологическое течение прибегало к разным уловкам для объяснения своих несколько странных симпатий к государственности. Социалисты утверждали, что государство воплощает в себе всеобщую волю. Консерваторы полагали, что государство защищает от всеобщей воли традиционные права. Либералы считали, что государство создает условия, позволяющие личности оптимально использовать свои права. Но в каждом случае результат был один и тот же — государство продолжало укреплять свои позиции по отношению к обществу, несмотря на риторические призывы к прямо противоположному» [7. С. 86].

Результатом постоянной борьбы дискриминируемых социальных групп (и, отчасти, предусмотрительной политики элит) стало то, что называется социальным государством. Не то чтобы основные дискриминируемые группы со временем получили права и вытекающие из них ренты, которые действительно уравнивали бы их с элитами. Однако показателен сам подход к решению проблем дискриминируемых: раздача привилегий и рент, или того, что раньше считалось привилегией, дающей ренту. Все это вполне напоминает рыночный процесс исчезновения прежних дифференциальных рент ввиду ставшего доступным всем ранее редкого ресурса. Не менее показательно, что способ решения проблем, ранее касавшийся только элит, теперь был распространен на все общество.

Очевидно, что в современных обществах накопилась институциональная инерция, побуждающая решать проблемы путем раздачи привилегий и рент. Возможно, это обусловлено самой природой «естественного государства», достигшего определенной стадии развития.

Прекариат в борьбе за общество всеобщей ренты

До сегодняшнего момента большая часть исследований рентных механизмов была сконцентрирована на пропорциях и соотношениях ренты, на вопросах справедливости и законности тех или иных рент. Мы же хотим несколько сдвинуть фокус и посмотреть на предполагаемые перспективы общества, в котором борьба за ренту и главное — жизнь на доступную каждому ренту как долю общественного пирога становится преобладающей формой экономического поведения.

Наблюдая эволюцию практик, связанных с распределением ренты в западных обществах, мы можем заметить тенденцию расширения ренты, ее, так сказать, демократизации, вплоть до 1980-х годов. Социальные программы государства всеобщего благосостояния вкупе с достижениями промышленной и научно-технической революции породили небывалый рост материального благосостояния среднестатистического гражданина. Парадигма борьбы за выживание сменилась парадигмой «процветающего» общества потребления.

Социальные программы государства всеобщего благосостояния вкупе с достижениями промышленной и научно-технической революции породили небывалый рост материального благосостояния среднестатистического гражданина. Парадигма борьбы за выживание сменилась парадигмой «процветающего» общества потребления.

Но и позже, то есть уже в настоящее время, несмотря на неолиберальную политику, которая способствовала сворачиванию социальных программ, нигде не были ликвидированы базовые институты социального государства и не была поставлена под сомнение его принципиальная необходимость. Более того, неолиберальный курс лишь развернул политику раздачи привилегий и рент в другую сторону. Борьба за ренту перешла преимущественно на международную арену. И в этом смысле даже сворачивание некоторых социальных программ при Рейгане и Тэтчер не оказало какого-либо немыслимого урона благосостоянию «привилегированных» граждан «золотого миллиарда». Напротив, ослабление позиций государства позволило развитым странам совершить скоротечный и во многом иллюзорный постиндустриальный переворот, осуществление которого было бы невозможно, если бы крупнейшие корпорации не эксплуатировали многочисленных «метеков» в странах третьего мира.

Однако какие-то аспекты экономической жизни были значительно изуродованы. О колоссальном социальном расслоении и развязанных действиях транснациональных корпораций написано уже достаточно много, чтобы не останавливаться на этом отдельно. Современный капитализм вступает в стадию затяжной болезни. Развитие технологий приводит к постоянному технологическому замещению рабочей силы, перманентному видоизменению всей системы занятости [8]. Глобальные корпорации в условиях нарастающей конкуренции и «футурошока» стремятся быть гибкими и мобильными. В неолиберальную эпоху правила игры диктует глобальный капитал, для которого рабочая сила, по сути, является безликим субстратом в абстрактной интеллектуальной системе производства и распределения. Все это приводит к возникновению *прекариата* — класса неуверенных в завтрашнем дне людей, чувствующих себя крайне некомфортно в условиях мобильного капитала.

Автором термина «прекариат» является Г. Стэндинг. Он же выдвигает оригинальную концепцию роли прекариата в современном обществе и возможных потрясений, связанных с ростом численности этого класса. Стэндинг отмечает, что прекариат состоит из людей, чье статусное положение неустойчиво, то есть тех, кто не имеет стабильной занятости, стабильного заработка, социальных гарантий, ясного видения будущего.

К прекариату Стэндинг относит неквалифицированные кадры, чей функционал нетрудно автоматизировать, временных работников, занятых неполный рабочий день, а также тех, кто трудится по временным контрактам. К тому же слою принадлежат и многочисленные иммигранты, которые не обладают всей полнотой гражданских привилегий. Прекариат, таким образом, состоит из самых разных групп людей, отличающихся по уровню образования, образу жизни и каким-либо еще социальным критериям. Единственное, что объединяет «новый опасный класс», — это ощущение нестабильности, нехватки времени, приводящее к тревоге и депрессивности. Стэндинг утверждает, что «прекариат не чувствует себя частью солидаризованного трудового сообщества, а от этого усиливается отчужденность и неуверенность» [5. С. 29].

По мнению исследователя, прекариат является взрывоопасным классом. Тревога, нужда, нестабильность могут быть пищей для разного рода радикальных популистов, не считающихся с ценностями демократии. В связи с этим Стэндинг предлагает целый комплекс мер, которые могли бы предотвратить социальные потрясения. Среди этих мер, помимо разного рода гарантий, выделяется предоставление каждому так называемого *базового дохода*, то есть некоторой «суммы, необходимой для удовлетворения основных нужд» [5. С. 299].

При этом Стэндинг критикует уже имеющиеся способы борьбы с безработицей, считая систему, при которой государство стремится обеспечить каждого рабочим местом, неэффективной. В таком случае

люди, как считает ученый, вынуждены соглашаться с ограниченным набором альтернатив (иначе их лишат пособий), при том что сама по себе предлагаемая работа скорее всего также будет нестабильной и временной. Это лишь усиливает чувство отчужденности и способствует негативному восприятию работы как таковой. Стэндинг предпочитает быть оптимистом: люди будто бы по своей природе трудолюбивы, стоит только обеспечить баланс между трудом и досугом, благодаря которому можно было бы добиться свободного развития каждым своих творческих способностей (здесь он ссылается на Маркса). Для этого и необходима всеобщая рента, дарующая спокойную жизнь без острой нужды.

Но сможет ли такая политика разрешить проблемы, нависшие над современным капитализмом? Стэндинг полемизирует с теми, кто считает, что пособия культивируют иждивенческие умонастроения. Он считает, что базовый доход станет чем-то вроде первого шага на пути к преодолению отчуждения, а «немного поленишься не так уж и плохо» [5. С. 281]. При этом о каких-то системных изменениях, то есть о сломе или преодолении капитализма, речь у него не идет.

Мы позволим себе усомниться в перспективах, обрисованных Стэндингом. В современной неолиберальной системе раздача пособий окажется банальной «покупкой» лояльности бедноты. С другой стороны, для того чтобы преодолеть отчуждение, необходимы системные изменения, которые затрагивали бы все социальные, экономические и культурные факторы, способствующие формированию конформистских потребительских установок. Небольшой стабильный доход не изменит существенного статусного разрыва, который сегодня существует между рядовой обслугой (или какими-то другими «нестабильными» работниками) и высококвалифицированными специалистами, работающими в сфере высоких технологий (Стэндинг называет эту группу людей *салариатом*). Для большей части прекариата путь на вершину технократического общества давно упущен, у них нет никаких шансов достичь выдающихся результатов в тех сферах, в которых требуются высокая квалификация и многолетний опыт. Возможность свободного творческого саморазвития — это, конечно, хорошо, но данное саморазвитие без должного институционального подкрепления наткнется на преграду заурядности и массовой безвкусицы. Человек, осознающий в конце концов, что его творчество — не что иное, как китч, отчужден не меньше, чем рабочий, не видящий смысла в своей монотонной работе. И даже эта ситуация выглядит куда лучше, чем всеобщий нарциссизм, наблюдаемый сегодня в социальных сетях во многом благодаря «культуре селфи» [9].

В такой ситуации весьма соблазнительно идти по легкому пути. С каждым годом развитие технологий удешевляет производство разного рода гаджетов и прочих устройств программного обеспечения, дарующих практически неисчерпаемый источник развлечений и досуга.

В этом смысле рантье будущего — это не только тот, кто получает дармовые пособия, но еще и тот, кто пользуется общественной рентой в виде дешевающих технологических новшеств, изобретаемых малочисленным salariа́том. Иными словами, он потребляет товары и услуги, которые по большей части не являются вознаграждением за его общественно значимый труд. Такие рантье не зарабатывают на что-то, а дожидаются чего-то, не увеличивают благосостояние, а уменьшают трудозатраты, мешающие досугу.

Тем не менее в одном Стэндинг, на наш взгляд, прав: прекариат — опасный для капитализма класс. Однако его опасность заключается вовсе не в потенциально революционном или радикально-реакционном умонастроении, а в уже упомянутой рентной установке. Мы считаем, что всеобщая борьба за ренту рискует вылиться в качественные трансформации капитализма, рискующие надломить его системообразующее основание.

Почему прекариат похоронит капитализм?

За саму постановку вопроса о том, что некий созвучный пролетариату класс станет могильщиком капитализма, нас могут упрекнуть в попытке наступить на старые грабли. Однако в нашем представлении смерть капитализма — это не столько результат революции или кардинального изменения *всех* имеющихся институтов, сколько внутренняя мутация, затрагивающая сущность системы. В результате этой мутации капитализм уже невозможно называть капитализмом в устоявшемся значении.

Чтобы понять сущность капитализма, мало сказать, что это есть сочетание рыночной экономики и экономического либерализма. Капитализму свойственна особая культура, специфические ценности и установки, «дух». М. Лютер завещал, что долг человека — непрерывно трудиться, исполняя свое призвание. М. Вебер в своей «Протестантской этике» замечает, что возникновение капитализма было бы немыслимо без культурного сдвига от умеренности и традиционализма к трудолюбию и накопительству. Как он пишет, «здесь совершенно необходимы не только развитые чувство ответственности, но и такой строй мышления, который, хотя бы во время работы, исключал неизменный вопрос, как бы при максимуме удобства и минимуме напряжения сохранить свой обычный заработок, — такой строй мышления, при котором труд становится абсолютной самоцелью, “призванием”» [10. С. 89].

Исток такого строя Вебер видит в кальвинистской этике протестантизма. Именно фанатичное трудолюбие позволило в конечном счете уничтожить ориентированный на присвоение ренты феодализм и крестьянско-ремесленный традиционализм. Другой аспект затрагивает Т. Веблен. По его мнению, капитализм немыслим без статусного потребления, то есть без постоянного стремления индивидов соответствовать более высоким стандартам потребления через накопительство. Общество делится на задающий тон праздный класс и подыгрывающий

ему слой трудящихся, которые стремятся хоть как-то соответствовать тем или иным статусам [11]. В марксизме капитал сводится к самовозрастающей стоимости, возможной только при эксплуатации трудящихся. Собственно говоря, у Маркса трудовое время и определяет стоимость продукта [12. С. 207]. Капитализм есть система, в которой в конкурентной борьбе выживает наиболее приспособленный, тот, кто может выжимать из трудящихся нужную меновую стоимость, сталкиваясь постоянно с такими феноменами, как технологический прогресс и автоматизация производства.

Все вышеперечисленное со второй половины XX века начало постепенно блекнуть. Реализация идей Стэндинга (как выразителя интересов прекариата) лишь способствовала развитию этой тенденции. В эпоху государства всеобщего благосостояния это было уже вполне ощутимо (мы говорим об иждивенчестве), — но тогда ситуацию спасал ряд «позитивных» факторов. Эйфория от послевоенного роста вкупе с пережитками протестантской культуры подпитывали трудолюбие и целеустремленность. В иных местах еще сохранялись в коллективной памяти голодные годы, лишения войны и массовые эпидемия. В психологии устоялась точка зрения, согласно которой многочисленные лишения, переживаемые людьми в раннем возрасте, могут отражаться на дальнейшем ментальном укладе и приводить к стремлению компенсировать лишения прошлого путем обогащения в настоящем.

Однако сегодня мы живем в другом обществе, применительно к членам которого старые мотивации работают все хуже. Взять хотя бы накопительство. В 1950—1960-е годы прошлого века жизнь среднестатистического американца заключалась в погоне за статусными вещами. Быть может, для обыкновенного трудящегося в этом и заключалась основная «радость жизни»: вслед за модной одеждой вы приобретаете автомобиль, вслед за автомобилем — еще один автомобиль, а затем — просторный дом и т. д. Каждый новый этап требовал приложения больших усилий. В мире отчуждения тот, кто не идет на встречу к новым ощущениям и удовольствиям, впадает в депрессию. Это в своих многочисленных исследованиях убедительно показал Э. Фромм [13]. Современная индустрия развлечений, напротив, во многом *противостоит* накопительству. Важно не копить, а постоянно обновлять арсенал развлечений. Последние становятся легкодоступными: стоит только раз в год менять телефон, планшет, еженедельно обновлять компьютерный софт или запасаться новинками кинематографа. Все становится одноразовым, скоропортящимся и быстро надоедающим.

Современный капитализм мутирует, и эта мутация потенциально может привести к его перерождению в *рентное общество*. Прекариат — это только составная часть глобальных трансформаций, реализация которых кажется нам неизбежной. Будет ли прекариат обеспечен базовым доходом или нет, рано или поздно капитализм начнет постепенно ужиматься до незначительного состояния. Рентное общество — это общество, в котором подавляющая часть населения является рантье, живущими на ренту с научно-технического прогресса, обеспе-

чиваемого salariatum. Это ни в коем случае не «коммунизм знаний» А. Горца [14], ибо такой коммунизм подразумевает преодоление отчуждения. Рантье не менее отчужден, чем трудящийся. Более того, он отчужден и от самого труда как средства пусть нередко искаженного, но самовыражения.

Рентное общество — это не то же самое, что и общество изобилия, о перспективах которого сегодня говорят. В обществе изобилия существует *реальное изобилие*, то есть каждый получает столько, сколько он пожелает. Рентное общество дает обычному человеку лишь крохи, оно учит его довольствоваться малым, формируя соответствующие установки. Перед остальными перспективами, в которых личность могла бы показать себя с полной силой, такое общество возводит непреодолимую полосу препятствий. В среде дешевых развлечений преодолевать эту полосу для многих становится бессмысленно, ибо гораздо проще постепенно снижать свои аппетиты, подстраивать их под поток незаработанных благ.

Капитализм, на наш взгляд, сам поспособствует своей внутренней мутации. Индустрия дешевых развлечений — это целиком и полностью детище современного капиталистического общества потребления. Капитализм неизбежно столкнется с необходимостью удовлетворять потребности рантье, и не исключено, что технические возможности для этого будут найдены. В частности, высока вероятность, что ожидающийся в обозримом будущем взлет АТП-технологий облегчит проблему дорожающих и истощающихся природных ресурсов, многократно удешевит производство различных вещей, благ и услуг и вообще создаст такой избыток материальных богатств [15], который позволит без труда содержать миллиарды рантье. В такой ситуации вполне возможен ренессанс социального государства или, что кажется более вероятным, уже несколько иных практик, выросших на его основе.

Однако мы имеем основания полагать, что эти практики в основе останутся рентными, и, вероятно, этот их характер даже выразится еще ярче. Идя на поводу у прекариата, капитализм начнет стагнировать, ибо реальный спрос новых рантье способен только уменьшаться ввиду постоянного снижения ими трудозатрат. В конце концов капитализм сожмется до минимальных размеров, став своеобразным пережитком, автоматизированной питательной средой для потребляющего большинства. Общество окончательно поделится на рантье и ограниченное число своеобразных сверхлюдей, для которых труд и усердие останутся единственным приемлемым способом самореализации.

Предполагаемое рентное общество вполне может стать устойчивой системой. В связи с этим нетрудно допустить, что А. Горц и другие прозелиты «коммунизма знаний» глубоко ошибаются, считая, что возможность каждого свободно распоряжаться свободным временем ради творчества — это непременно путь к избавлению от отчуждения. Феномен отчуждения касается не только капитализма со всеми его атрибутами вроде эксплуатации, власти денег и средств массовой информации.

Как уже было сказано выше, человек, чувствующий, что его творческие усилия жалки, отчужден не меньше, чем рабочий тейлоровского конвейера. То же самое верно и для ситуации, когда творческая деятельность сопряжена с постоянной конкурентной борьбой за признание, лучшую идею, новизну и т. д. В таком случае человек может чувствовать себя жалкой песчинкой независимо от того, является ли он разносчиком пиццы или работником научной лаборатории.

Рентное общество предоставит благодатную среду для того, чтобы единицы выбивались из общей массы и стремились к чему-то большему, чем повседневное потребление. Однако слишком большое количество творческих людей в таком обществе невыгодно как для рантье, так и для самого салиариата.

Из сказанного выше не следует, что рентное общество — это лучшее будущее. Его суть заключает в себе множество опасностей, ибо это — во многом общество, теряющее преобразовательный пыл. С одной стороны, это не так и плохо, ибо остановка разрушительного прогресса может благоприятно сказаться на состоянии окружающей среды — главной жертвы капитализма. Но вместе с затуханием прогресса исчезает и творческий порыв. Мы лишь хотим поставить вопрос: есть ли какие-то реальные альтернативы рентному обществу? Если это социализм, то какой он должен быть: социализм, потакающий иждивенчеству или социализм, нацеленный на культивирование трудолюбия?

Данный вопрос требует концептуального переосмысления самой идеи социализма, ибо слово «социализм» в привычном понимании уже невозможно употреблять как универсальный термин, применимый к имеющимся ситуациям. Нельзя исключить, что тенденции, с которыми сейчас могут связываться надежды на «социалистическое» преодоление капитализма и «автоматический» переход к более справедливому и лучшему обществу, в действительности ведут в каком-то другом направлении. Но быть может, в будущем обнаружатся какие-либо иные философские и идеологические основания полноценной человеческой жизни в рамках нарождающегося рентного общества, в свете которых бытие в качестве рантье будет представляться не столь уж удручающим. В таком случае не окажутся ли наши опасения по поводу грядущего триумфа потребительства, мещанства и повседневного обывательства рантье всего лишь беспочвенными заблуждениями тех, кто не взял на себя ответственность построить новую философию жизни без погони за собственной исключительностью, без культа поклонения творческой Личности?

Литература

1. **Олсон М.** Власть и процветание: перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012.
2. **Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.** Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

3. **Фишман Л. Г.** Аристократическое в демократии // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН (Екатеринбург). 2010. Вып.10.
4. **Вебер М.** История хозяйства. Город. М., 2001.
5. **Стэндинг Г.** Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem Пресс, 2014.
6. **Матецкая А. В.** Социология культуры. – <http://all-sci.net/sotsiologiya-kultury/kultura-sotsialnoe-neravenstvo-19681.html>
7. **Валлерстайн И.** Три идеологии или одна? // После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
8. **Коллин Р.** Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма?. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 61–113.
9. **Twenge J. M., Campbell K. W.** The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. N. Y.: Atria Books, 2010.
10. **Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма // **Он же.** Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
11. **Веблен Т.** Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
12. **Маркс К.** Капитал. Т. I // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23.
13. **Фромм Э.** Здоровое общество. М.: АСТ, 2006.
14. **Горц А.** Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2010.
15. **Дрекслер Э.** Всеобщее благоденствие. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. ◆